

Проскурин Сергей Геннадьевич, Комкова Анастасия Сергеевна

ЗАКОН "СЕМИОТИЧЕСКОГО ОСЛАБЛЕНИЯ ПРИЗНАКА" В КУЛЬТУРНОМ, ЮРИДИЧЕСКОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

В статье описывается явление семиотического ослабления в языке, культуре и праве. Результатом данного семиотического процесса становится изменение семантической нагрузки слов, замена одного явления другим в культуре, эволюция правовых институтов. Особый акцент авторы статьи делают на эволюции права в векторе смягчения наказания, символизирующей постепенный переход к гуманному правосудию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 172-175. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.111'01:81'22:340.113

Филологические науки

В статье описывается явление семиотического ослабления в языке, культуре и праве. Результатом данного семиотического процесса становится изменение семантической нагрузки слов, замена одного явления другим в культуре, эволюция правовых институтов. Особый акцент авторы статьи делают на эволюции права в векторе смягчения наказания, символизирующей постепенный переход к гуманному правосудию.

Ключевые слова и фразы: закон «семиотического ослабления признака»; «выветривание» знака; сильный знак; слабый знак; культурные концепты; эволюция права.

Проскурин Сергей Геннадьевич, д. филол. н., профессор

Комкова Анастасия Сергеевна

Новосибирский государственный университет

s.proskurin@mail.ru; raykova88@mail.ru

ЗАКОН «СЕМИОТИЧЕСКОГО ОСЛАБЛЕНИЯ ПРИЗНАКА» В КУЛЬТУРНОМ, ЮРИДИЧЕСКОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ[©]

Явление *семиотического ослабления* или «*трансформация от сильного символа к слабому, а затем и к совсем слабому*» [8, с. 106] – это культурный, юридический и лингвистический феномен. Культурный, потому как объясняет процесс замены одного явления другим, юридический – символизирует переход к гуманному правосудию, лингвистический – связан с исторической семантикой.

В. И. Карасик в своей работе «Лингвосемиотическое моделирование ценностей» говорит о том, что знаку свойственно «*выветривание*», и приводит следующий пример: «Первоначально получить титул рыцаря можно было только в бою, затем бой сменился имитацией вооруженного противоборства, и наконец – символическим ритуалом, в ходе которого посвящающий ударял коленопреклоненного посвящаемого по плечу плащом лезвием меча и произносил определенную сакральную формулу» [6, с. 46].

Иными словами, в данном примере мы наблюдаем действие закона «*семиотического ослабления признака*»: происходит замена *сильного семиотического действия* – реальный бой (сражение) – *ослабленным семиотическим действием* – рыцарский турнир, а затем *слабым* – ритуал посвящения в рыцари (в терминах С. Г. Проскурина).

С так называемым законом «*семиотического ослабления признака*», или «*выветриванием*» знака, мы сталкиваемся в экономике. Так, А. Л. Елсакова рассматривает этот процесс на примере эволюции денег: «Денежная система как знаковый (культурный) феномен эволюционировала в сторону «ослабления денег» от их реальной стоимости». Таким образом, произошел переход от обмена «полновесными деньгами», в виде серебра и золота, к использованию металлических монет и бумажных банкнот, не подкрепленных серебряным и золотым запасом [5, с. 10-11].

Мюррей Ротбард называет этот процесс «*порчей денег*», которая происходит тогда, когда государство уменьшает реальную стоимость монеты изъятием золота, серебра. Сэкономленные унции золота или серебра государство тратило на поддержание суверенитета. В XIII в. французский турский ливр (*livre tournois*) составлял 98 г чистого серебра; к XVII в. ливр уменьшился до 11 г. Динар (монета испанских сарацинов) в конце VII в. весил 65 гран золота, к середине XII в. – 60 гран, а позже, в XIII в., от динара (он уже назывался «мараведи») осталось 14 гран. Золотая монета стала очень легкой и была заменена серебряной, которая весила 26 гран серебра. В итоге, эту монету «испортили»: к середине XV в., когда мараведи вывели из обращения, от 26 гран серебра осталось 1,5 [10, с. 81-82].

Существование явления *семиотического ослабления*, или «*порчи денег*», наблюдается как в английской денежно-весовой системе, так и во французской, греческой и римской [5, с. 10-11].

В культуре с подобным семиотическим процессом связана эволюция жертвоприношений. На смену кровавым ритуалам принесения жертвы (убийства человека или животного) пришли более гуманные способы «умиротворения» богов (возложение к пьедесталу идола пищи, драгоценных даров, появление жертвы-субститута).

По своей природе право – семиотическая система, которой свойственны все черты эволюции знаков, а, следовательно, в ней также действует вышеупомянутый семиотический закон.

С. Г. Проскурин, рассматривая эволюционные ступени развития концепта суда в истории римского права, обращается к «Законам XII таблиц». В этом древнейшем юридическом документе присутствует формула *ius ducere*, которую обычно переводят как «вести на судоговорение» [8, с. 107]. От значения «вести» глагол *ducere* эволюционировал в сторону более абстрактного, более общего понятия «судить» [1, с. 111].

Обратимся к таблице III Законов XII таблиц, в которой говорится: *post deinde manus iniectio esto / in ius ducito* «По истечении (указанного срока) пусть (истец) наложит руку (на должника). Пусть ведет его на судоговорение (для исполнения решения)». Формула *ius ducere*, как это видно из примера, сохранила «следы» саморасправы, отсюда смысл – вести силой (тащить) [8, с. 107].

«Латинская форма *ducere* связана с готским *tiuhan* (нем. *Ziehen*) «тянуть» <...> Уже на основе сопоставления готской и латинской форм мы можем определить исходное значение глагола *duco* как «тянуть»» [1, с. 114-115]. К этому же корню относится древнеанглийское *þing* со значением «судебное дело, спор». Русское слово «тяжба» также изначально связано с глаголом «тянуть» [8, с. 107].

В эпосе англосаксов «Беовульф» нападение чудовища Гренделя на палату для пиров Хеорот короля Хротгара квалифицируется как *þing* – «(судебное) дело»: *me wearth Grendles þing* (строка 409 эпоса). Разбирательство Беовульфа с Гренделем можно считать ярким примером саморасправы, явлением далеко не цивилизационно правовым. Победа над чудовищем восстанавливает нарушенное равновесие [Там же, с. 109].

Каким же образом произошел переход термина, обозначающего силовое действие, к юридическому термину «суд»? С. Г. Проскурин объясняет это тенденцией, лежащей в основе эволюции правовых институтов – замещение *сильного семиотического действия* (побои, саморасправа) *ослабленным семиотическим действием* (наказание), а также *слабым* (закон). Эволюция правовых институтов на материале классической формулы *ius ducere* (а также ее коррелятов) была представлена С. Г. Проскуриным в виде таблицы 1 [Там же, с. 107-108].

Таблица 1.

Эволюция правовых институтов от сильного семиотического действия к ослабленному семиотическому действию

Уровень знаковости	Тождество. Акт	Подобие. Жест вместо акта	Условность
1. Биологически полная релевантность (этнология, биосемиотика)	Лат. <i>ducere</i> – «тянуть», «защитить силой» Гот. <i>tiuhan</i> – «тянуть» Рус. <i>тянуть</i>	–	–
2. Биологически частичная релевантность (этнология, этносемиотика)	–	<i>ius ducere</i> «вести на судоговорение», «привлечь к суду»	–
3. Биологическая нерелевантность (лингвосемиотика)	–	–	Лат. <i>ducere</i> – «судить» Др.-англ. <i>þing</i> – «судебное дело», «спор» Рус. <i>тяжба</i> и термин <i>тяжущий</i>

«От полного тождества действия и информационной модели правовые институты, по-видимому, эволюционировали в сторону подобия, когда вместо тождества знака и действия выбирается некий ритуальный процесс, имитирующий преодоленную ценность – действие силой. В результате наступает этап семиотически ослабленного действия. На третьей ступеньке эволюции концепта появляется аспект суда, тяжбы. Все его элементарные предпосылки основываются на эволюции концептов *тянуть* – *вести* – *судить*. Такое понимание развития права отвечает общей тенденции семиотического развития – стремлению к семиотически ослабленному действию» [Там же, с. 108].

Первыми об эволюции правовых институтов от сильного к ослабленному действию говорили французский философ и социолог Эмиль Дюркгейм и английский юрист, историк права Самнер Мен, а затем, цитируя их, и Питирим Сорокин, который в своем исследовании по социологии «Преступление и кара, подвиг и награда» пишет об «исторической тенденции падения кар» [13].

П. Сорокин, приводя неопровержимые доказательства, говорит о том, что первоначально право носит исключительно репрессивный характер (от лат. *repressio* – наказание), а реститутивного права (от лат. *restitution* – восстановление) вначале вообще нет. «А так как репрессивное право более жестоко и более сурово, чем реститутивное, то вполне понятно, что рост этого последнего, в ущерб первому, тем самым означает уменьшение интенсивности наказаний» [Там же, с. 403].

В результате Питирим Сорокин выявляет следующую «тенденцию падения кар»: «От неограниченной мести – к талиону, от обязательного талиона – к факультативному, от обязательной мести – к допускаемой, от разрешаемой мести – к системе композиций и прощения. Таков путь постепенного ограничения кар и их постепенного падения» [Там же, с. 380-381].

И, действительно, И. Б. Новицкий пишет в своей работе по римскому праву: «Переход от частной саморасправы к государственному суду происходил постепенно; посредствующими этапами являлись: система регламентации частной расправы путем установления определенного порядка применения насилия к обидчику; далее система выкупов (добровольных, а затем обязательных); наконец, передача дела защиты прав органам государства» [7, с. 40].

Кроме того, П. Сорокин отмечает, что подобную тенденцию смягчения наказания можно наблюдать у разных народов, например, в истории русского права. «Вначале была частная месть. Затем наряду со штрафами фигурируют отдача на «сток и разграбление» и смертная казнь (Русская Правда и Псковская судная грамота), по Судебникам первая кража влечет наказание кнутом, вторая – смерть, по Уложению – первая кража влечет за собой кнут, тюремное заключение на два года и отрезание левого уха, третья – смерть (при разбое за второй разбой – смерть), по воинскому уставу – смерть наступала только в случае четвертой кражи не свыше 20 рублей и т.д.» [13, с. 410].

В древнерусском законодательстве первое упоминание о мести мы встречаем в договоре с Византией 911 г. Р. Л. Хачатуров, проанализировав русско-византийские договоры, приходит к выводу, что убийцу разрешалось убить прямо на месте преступления. Но при этом Р. Л. Хачатуров замечает, что договор 911 г. делает первый шаг в сторону ограничения кровной мести: не только бежавший преступник, но и задержанный имел возможность откупиться от наказания, т.к. закон устанавливал для родственников убитого альтернативу – получить выкуп или отомстить убийце [15, с. 113-114].

Недаром Р. Л. Хачатуров определяет месть как «право данного рода причинить виновнику в смерти или увечье своего члена аналогичный вред или потребовать от его рода материальной компенсации» [16, с. 319].

Подобным образом месть регулируется и ограничивается в Русской Правде (ст. 1 Краткой редакции): «*Убьет мужь мужа, то мьститъ брат брата*» [11, с. 47]. В ст. 2 Краткой редакции Русской Правды также допускается кровная месть. Однако в обоих случаях после разрешения мести говорится и о возможности уплаты штрафа за обиду, но только в случае невозможности совершения акта мести: «... *аще не будет кто мьстя, то 40 гривен за голову ...*», «... *оже ли себе не может мьстити, то взятии ему за обиду 3 гривне ...*» [Там же, с. 47].

Тем не менее, в древнейших списках Русской Правды (Академический список, 2-я статья) месть предусматривалась не только за убийство, но и в случае избияния до синяков или до крови: «*Или боудет кровав или синь надъражен, то не искати емоу видока човекоу томоу; аще не боудет на нем знамена никотораго же, то ли приидет видок; аще ли не может тоу томоу конецъ, оже ли себе не может мьстити; то взятии емоу за обиду 3 гривне, а летцю мзда*» [12, с. 20-21]. / Если кто будет избит до крови или до синяков, то ему не надо искать свидетеля; если же не будет на нем никаких следов [побоев], то пусть приведет свидетеля; а если он не может [привести свидетеля], то делу конец, если [пострадавший] не может отомстить за себя; то пусть возьмет [с виновного] за обиду 3 гривны, а лекарю плату (перевод выполнен авторами статьи).

«Обобщая материал русско-византийских договоров и Русской Правды, большинство исследователей делают вывод, что месть в это время носит переходный характер, эволюционируя от непосредственной расправы рода к наказанию, налагаемому и исполняемому государственным органом. <...> Как видим, в период действия Псковской Судной грамоты месть признается большинством исследователей уже изжитым институтом, который сменился новыми формами наказаний» [14, с. 158].

Об эволюции института кровной мести пишет и М. Д. Шаргородский: «Месь была ограничена также и возможностью выкупа. Если раньше месть была безграничной и направлялась против всех членов племени или семьи, то теперь она персонифицируется и направляется только против непосредственного виновника. В дальнейшем при согласии кровомстителя и у виновника появляется возможность избежать мести путем дачи выкупа» [17, с. 240].

Неслучайно, П. Сорокин называет средневековую систему композиций, т.е. денежного выкупа, «водой, которая заливала готовый возникнуть огонь борьбы и мести. Вначале, будучи необязательной (обиженный мог выбрать или месть или взять выкуп), она постоянно все шире и шире входила в жизнь и постепенно вытеснила почти все (за исключением немногих) акты мести или акты кар. Сначала это делалось путем соглашения самих сторон, потом стало передаваться на усмотрение третейского судьи, <...> а параллельно с этим совершалось все большее и большее вытеснение выкупом мести» [13, с. 380-381].

Таким образом, средневековая система выкупов – вергельдов – у П. Сорокина является заключительным этапом исторической «тенденции падения кар». «Знаковая природа этой тенденции свидетельствует о появлении феномена суда, где-то на этапе перехода от обязательного талиона к факультативному» [8, с. 110].

Специалист по средневековому праву Г. Дж. Берман утверждает, что именно родственные, общинные узы сообществ и были законом. Короли и церковь могли лишь попытаться направить обычай и правовое сознание народа в нужное им русло. Если эти узы нарушались, то вступали в силу законы кровной мести, «но месть должна была стать – и нередко становилась – отправной точкой переговоров о материальном удовлетворении. Эта строгая система строго определенных денежных пеней за разные виды преступлений – характерная черта англосаксонского, франкского и других правовых укладов германской Европы, как и многих примитивных правовых систем современности» [2, с. 62].

Не вызывает сомнений, что обычай кровной мести существовал как у славянских народов и древних германцев, так и у других народов. «Народные обыкновения везде бывают сходны между собой, когда самые народы находятся в подобном между собой невежественном и варварском состоянии» [4, с. 196].

Древний человек в своих поступках не стоял перед выбором, он следовал образцам, санкционированным религией, обычаями рода, а в итоге, и правом, так как право – это, прежде всего, совокупность правил поведения, установленных государством [9]. Нормы поведения людей складывались веками и превращались в обычаи. «Обычаем была «запрограммирована» жизнь каждого члена коллектива» [3, с. 172].

Все важнейшие события в жизни древних людей: рождение, вступление в брак, введение в род, смерть, получение наследства, заключение сделки и т.д. – подчинялись обычаям и сопровождалась особыми ритуалами, несоблюдение которых аннулировало весь акт. Таким образом, все формы человеческой деятельности были подчинены правилам, отступление от которых возбранялось и осуждалось. Именно обычаи были зафиксированы англосаксонскими королями в сводах законов и принимали со временем форму законов.

В результате нашего исследования, выполненного на материале древнеанглийского языка и англосаксонской культуры и права, мы можем говорить о процессе «семиотического ослабления признака» или «выветривания» знака, позволяющем проследить последовательность развития правовых институтов (от обычая → к правовой норме) в виде эволюции концептов: *‘месь’* (от нерегулируемой мести → к ограниченной мести), *‘вергельд’* (от денежной компенсации как возможной альтернативы мести → к системе штрафов-вергельдов как полноценной замене мести), *‘суд’* (переход к условности знака в праве, т.е. к концепту *‘суда’*).

Список литературы

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
2. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / пер. с англ. Д. Шабельникова, М. Тименчика. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.
3. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
4. Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2-х т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. Т. 1. С. 187-235.
5. Елсакова А. Л. Концептуализированная область «богатство (стоимость), деньги» в древнеанглийском языке и англосаксонской культуре: автореф. дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2011. 18 с.
6. Карасик В. И. Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. № 1. С. 43-50.
7. Новицкий И. Б. Римское право. М.: Юрист, 2005. 310 с.
8. Проскурин С. Г. Эволюция права в свете семиотики // Вопросы филологии. М.: Ин-т иностр. яз.; Ин-т языкознания; Рос. академия лингв. наук, 2010. № 3. С. 106-111.
9. Романов А. К. Правовая система Англии. М.: Дело, 2000. 344 с.
10. Ротбард М. Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2008. 207 с.
11. Русская Правда. Краткая редакция // Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти т. М.: Юрид. литература, 1984. Т. 1. С. 47-49.
12. Русская Правда. Краткая редакция // Отечественное законодательство XI-XX веков: в 2-х частях: пособие для семинаров / ред. О. И. Чистяков. М.: Юрист, 2000. Ч. 2. С. 20-21.
13. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. М.: Астрель, 2006. 624 с.
14. Хачатрян А. В. Проблема мести в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Тольятти: Изд-во Тольятт. гос. ун-та, 2010. № 1. С. 157-160.
15. Хачатуров Р. Л. Мирные договоры Руси с Византией. М.: Просвещение, 1988. 172 с.
16. Хачатуров Р. Л. Юридическая энциклопедия: в 5-ти т. Тольятти: ВУиТ, 2004. Т. 3. 433 с.
17. Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: Юрид. литература, 1957. 302 с.

LAW OF «SEMIOTIC WEAKENING OF FEATURE» IN CULTURAL, LEGAL AND LINGUISTIC ASPECTS

Proskurin Sergei Gennad'evich, Doctor in Philology, Professor
 Komkova Anastasiya Sergeevna
 Novosibirsk State University
 s.proskurin@mail.ru; raykova88@mail.ru

The article describes the phenomenon of semiotic weakening in language, culture and law. The change in the semantic load of words, change of the one phenomenon by another in culture, evolution of legal institutes become the result of this semiotic process. The authors of the article make a special accent on the evolution of law in the punishment mitigation sphere symbolizing a gradual transition to humane justice.

Key words and phrases: law of «semiotic weakening of feature»; sign «subsiding»; strong sign; weak sign; cultural concepts; law evolution.

УДК 811.111-26

Филологические науки

В настоящей статье рассматриваются смысловые топонимы с точки зрения репрезентации ирреального мира, характерного для английской фольклорной сказки. В ходе анализа семантики смысловых топонимов авторы определяют, что географические объекты сказочного текста, несая вымышленный характер, могут быть, с одной стороны, связаны с контекстом произведения, функционируя как способ характеристики референта сказки или играя смысловую роль при раскрытии содержания произведения, а с другой стороны, смысл топонимов может быть «закодирован», т.е. их семантика требует расшифровки на уровне интерпретации самого топонима.

Ключевые слова и фразы: смысловые топонимы; географический объект; фольклорная сказка; антропоним; контекст; сказочное пространство; семантика.

Репринцева Наталья Игоревна**Кочарян Юлия Гамлетовна**, к. филол. н., доцент

Камчатский государственный технический университет
 juliakocharyan@yahoo.com; natalie0483@mail.ru

СМЫСЛОВЫЕ ТОПОНИМЫ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ АНГЛИЙСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ[©]

В текстах волшебной сказки смысловые топонимы чаще всего встречаются с целью репрезентации иного, ирреального, мира, который есть альтернатива миру реальному, где зло, к сожалению, не всегда наказуемо,